Андрей Карпов

Парадигма развития

Откуда берется ощущение неадекватности действий многих людей, по своему положению обязанных принимать ответственные решения? Как получается, что мы ждём изменений к лучшему, но есть ощущение, что будет хуже? Всё это признаки того, что старая парадигма, в которой человечество существовало многие столетия, больше не работает. Теперь мы видим, в какой парадигме мы жили — это парадигма развития. Способность увидеть парадигму говорит о том, что её власть подошла к концу.

Есть такая известная фраза: «генералы всегда готовятся к прошлой войне». Как часто бывает с популярными высказываниями, трудно определить, кто это сказал первым. Мы можем встретить данную мысль, например, у Уинстона Черчилля, который в своей книге «Надвигающийся шторм» («The Gathering Storm», 1948) писал «в Англии шутят, что военное министерство всегда готовится к последней войне. Но это, вероятно, верно в отношении других департаментов и других стран...». Шутка, на которую он ссылается, явно возникла раньше, вероятно, в период между Первой и Второй мировыми войнами. По крайней мере, есть свидетельства её употребления в 1934 году.

Теперь обычно эту фразу цитируют с отсылкой к Черчиллю. Но, думается, популярность высказывания связана вовсе не с каким-то громким именем, а в первую очередь с тем, что оно даёт обывателям основание для критики профессионалов.

Профессионалы постоянно дают советы, как следует жить. Которые в большинстве случаев выглядят обоснованными, и потому к ним надо прислушиваться. Обыватель оказывается заключён в коридоре возможностей, которые определил кто-то другой. То, что мы добровольно признаём за профессионалами право на принятие решений, снижает тяжесть нашей зависимости от них, но не устраняет её совершенно. И когда профессионал садится в лужу, обыватель слегка злорадствует. Это возвращает ему чувство интеллектуальной свободы. Особенно приятно посмеяться над профессионалом, когда тебе кажется, что эту лужу видишь заранее и сам-то в неё никак не попадёшь.

Фраза про генералов в этом отношении прекрасно подходит, поскольку простой житейский опыт подсказывает, что если меняются обстоятельства, то должны меняться и методы их обработки. Жизнь течёт, и всё меняется. Когда-то это, может быть, и было высокой философией, но с тех пор, как Гераклит Эфесский сказал, что на входящих в ту же самую реку текут всё новые и новые воды, прошло достаточно времени, чтобы мысль о том, что в одну реку нельзя войти дважды, стала распространённым трюизмом. Генералы, как бы забывшие об этом и готовящиеся к новой войне как к прошлой, выглядят глупо.

Но вспомним ещё одну известную цитату: «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Источник — один из переводов поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». В другом переводе эта фраза звучит так: «всякий мудр в

чужих делах». Картинка при взгляде со стороны собирается по-другому. И дело не только в том, что сторонний наблюдатель не видит мелких деталей, далёк от сути дела, а потому, в сущности, не компетентен. И даже не в том, что человек, непосредственно не вовлечённый в события, не несёт ответственности за происходящее и потому может высказывать любые суждения, без оглядки на ту степень риска, которую они подразумевают. Есть ещё одно.

Тот, кто находится внутри, связан историей ситуации, тем, что ранее уже отражалось в его восприятии и закреплено памятью. Память хранит прошлые вызовы и наши ответы на них. Если вызовы похожи, человек, как правило, реагирует тоже схожим образом, и каждое новое повторение укрепляет эту связь между вызовом и ответом. Колея становится глубже, и выскочить из неё — всё сложнее.

В 1962 году вышла книга «Структура научных революций». Её автор, Томас Кун, рассматривал развитие научного знания. Он ввёл в обиход очень важное понятие парадигмы. Парадигма — это сразу и мировоззрение, т.е. представление об окружающей реальности, и модель, эту реальность описывающая (со своим языком описания, набором понятий и сферами их использования), и шаблоны операций, применяемых для получения знания и оценки его адекватности. Таким образом, парадигма — это замкнутый на себя мир, причём приведённый в систему. Всё, что укладывается в эту систему, укрепляет её, а то, что не укладывается (аномалии), — попросту игнорируется. Парадигма крайне устойчива, она ревностно заботится о своём сохранении, и только если аномалий становится так много, что не замечать их больше не получается, она уходит, уступая место другой парадигме, в которой большинству аномалий находится объяснение.

Куну механизм смены парадигм был нужен, чтобы показать, как происходят научные революции. Но нарисованная им картина справедлива для любого комплекса знаний. Шутка про генералов описывает именно сопротивление действующей парадигмы. Генералы не меняют своих взглядов, потому что изнутри парадигмы действовать против неё невозможно. Умники, видящие, в чём генералы ошибаются, находятся вне парадигмы и поэтому могут использовать альтернативные модели.

Но то, что ты видишь ограниченность одной из парадигм, наблюдая её снаружи, вовсе не означает, что ты свободен от заблуждений, навязанных парадигмой, просто твоя парадигма — другая. И, поскольку мы все находимся внутри какой-то из парадигм, наше восприятие искажено так, чтобы мы не воспринимали встречающиеся нам аномалии как повод для сомнения в базовых постулатах общепринятой картины мира.

***

Хорошо работающую парадигму невозможно отделить от комплекса актуального знания.

Мы располагаем знанием, применение которого позволяет получать устраивающий нас результат. Поэтому оно осознаётся как несомненная ценность. Но знание это встроено в систему взглядов, обеспечивающую смысловые связи между различными областями, — таково свойство нашей природы: человек неизбежно стремится к максимуму осмысления.

И вот, обладая множеством истинных фактов, а с другой стороны — имея комплекс представлений, помогающий увязывать факты между собой и находить объяснения этим связям, мы переносим истинность с фактов на представления. Нам кажется, что факты сами по себе задают общую картину, в которую они складываются, и иного объяснения при данных фактах просто не может быть.

Это, конечно, не так. Со временем знание устаревает. Относится ли данное суждение к фактам? Нет. Пламя костра всё также поднимается вверх, а отпущенный камень падает вниз. Но сегодня мы объясняем это вовсе не тем, что стихии (огонь и земля) стремятся занять место, которое предусмотрено для них строением мироздания. Изменились представления, а не факты.

Ощущение, что наше знание устарело, возникающее чувство неадекватности наших реакций на происходящее означает не то, что нам не достаёт фактов; наоборот, имеющихся фактов уже вполне достаточно для того, чтобы увидеть огрехи принятой модели объяснения. Модель не работает, как следует, и это становится причиной ментального дискомфорта.

Сначала мы сердимся. Нас раздражает, что наши прогнозы не сбываются, а предпринимаемые действия оказываются неэффективными. А потом должно прийти осознание: мы раз за разом бьём в «молоко» из-за того, что у нас сбиты оптические настройки. Мы видим неправильную картину. Парадигму, с помощью которой мы объясняем реальность, пора менять.

***

То, что мы называем современной цивилизацией, сложилось в условиях господства парадигмы развития.

В первом приближении под развитием можно понимать накопление существенных качеств (рост по значимым, положительно оцениваемым параметрам). Человек, занимающийся физкультурой, становится сильнее. Финансово благополучное предприятие увеличивает мощности и расширяет сбыт. Растёт массив достоверного знания, ускоряется передача и обработка информации. Всё это — варианты описания развития.

Однако если присмотреться к развитию внимательнее, мы увидим, что оно складывается из изменений двух видов — количественных и качественных, находящихся между собою в сложной взаимосвязи. Рост значений по одному из параметров — явление чисто количественное, но рано или поздно он приведёт к тому, что баланс факторов изменится и начнёт перестраиваться структура ситуации. Это так называемый диалектический закон перехода количественных изменений в качественные. Человек, накопивший опыт и навыки, получает авторитет и влияние на других людей. Завоевание предприятием значительной доли рынка даёт шанс вытеснить или уничтожить конкурентов, став монополистом в своей области. Рост скорости перемещения грузов, людей и информации позволяет преодолеть географическую зависимость и заменить множество локальных структур одной глобальной.

Есть и обратное влияние. Выход на новый качественный уровень увеличивает возможности для накопления количественных результатов. Человек, вкладывавшийся в своё образование, став обладателем диплома, может претендовать на новое место работы и более высокий оклад. Предприятие, освоившее выпуск новой продукции, увеличивает сбыт и получает

дополнительную прибыль. Удачная техническая идея становится основой для создания множества вещей, основанных на её использовании.

Наблюдая, как количественный рост даёт новое качество, которое, в свою очередь, становится предпосылкой нового роста, можно прийти к выводу, что развитие имеет циклический характер, а поскольку начало каждого цикла соответствует выходу на новый уровень, говорят, что развитие идёт по спирали.

Раскручивающаяся спираль — довольно сложная фигура. Невозможно себе представить, что направление движения вдруг изменится таким образом, что процесс пойдёт с обратным знаком — как если бы кто-то взял ластик и стал затирать уже нарисованные витки.

Конечно, кризисы и катастрофы никто не отменял. И любой субъект развития может быть уничтожен. Возможны и периоды деградации. Но если этот откат назад изображать графически, это будет довольно простая линия. Даже если она перечеркнёт какие-то витки нашей спирали, то есть субъект развития по ряду параметров окажется отброшенным к значениям, меньше ранее достигнутых, это не будет возвращением в прежнее состояние.

Поэтому развитие иногда определяют как изменения, которые носят необратимый характер. Назад дороги нет. Каждое последующее изменение определяется суммой предшествующих. И если представить, что мы владеем всей информацией по ситуации и обладаем достаточным объёмом знаний, чтобы просчитать сколь-нибудь значимые причинно-следственные связи, то естественно предположить, что мы будем знать и то, каким будет следующий шаг в развитии. Иными словами, развитие — это закономерный процесс.

Наконец, поскольку мы ориентируемся на значимые параметры и именно по ним оцениваем прирост и выход на качественно новые уровни, развитие предстаёт как процесс направленный. Одно из состояний, характеризующееся максимальной степенью интересующего нас качества можно определить как целевое, и тогда цепочка изменений предстанет в виде шагов, поступательно приближающих к цели. Возникает ощущение, будто система, развитие которой мы взялись отслеживать, сама стремится к этому состоянию.

Такова привычная нам парадигма развития. Для нас естественно видеть, что есть движение в сторону максимальной проявленности какого-либо несомненно значимого качества, то поступательное (внутри одного уровня), то скачкообразное (при переходе с уровня на уровень), которое является принципиально необратимым и, будучи закономерным, может быть познано и спрогнозировано.

Сегодня наиболее очевидной иллюстрацией развития кажется концепция эволюции всего живого. Теория эволюции вошла в комплекс актуального научного знания; с ней знаком каждый человек, получивший хотя бы какое-нибудь образование. Для современного человека естественно использовать геохронологическую шкалу и поступательное изменение биологических форм как несомненные научные факты, хотя в строгом понимании фактом являются лишь обнаруженные ископаемые останки, а модель, устанавливающая какие-то отношения между фактами, принадлежит к области умозрений. Так что представления о эволюции справедливо именуются теорией — это надстройка над массивом фактов.

Однако любопытно, что вовсе не картина мира живых существ стала прародиной идеи непрерывного восходящего развития. Впрочем, если подумать, удивляться тут нечему: если просто наблюдать биологический мир как он есть, ничего такого не обнаружишь. В биологию концепция эволюции привнесена извне — из области размышлений об устройстве и истории общества. По своему происхождению эволюция — это социальная теория.

Мысль, что история человечества подчинена некоему общему закону и потому представляет собой череду сменяющих друг друга стадий, а не является хаосом случайностей, принадлежит христианскому сознанию. Стимул к размышлению в этом направлении дал блаженный Августин. В своём главном труде «О граде Божием» он соединяет библейское повествование со сведениями, имеющимися в распоряжении современной ему античности, и интерпретирует человеческую историю как переплетение двух тенденций. Бытие человечества определяется наложением двух историй — Града Небесного и града земного. История земного града — это история человеческого заблуждения, погоня за иллюзорными благами падшего мира, которая должна привести к полному отпадению от Бога и воцарению антихриста. Земной град ждёт Страшный суд и наказание по его грехам. История Града Небесного — это действия Бога по спасению людей; сюда относится попечение Божие о Своём народе, подготовка человечества к Боговоплощению, собственно Первое пришествие (история Господа нашего Иисуса Христа от Рождества до Распятия, Воскресения и Вознесения), история Церкви. Эта линия заканчивается Вторым пришествием, спасением верных и обновлением мира.

Августин начал писать свой труд после разграбления вестготами Рима в 410 году, работал над ним почти 20 лет и умер в 430-м в Гиппоне (город на средиземноморском побережье Африки, ныне Аннаба в Алжире) во время осады того вандалами. Гибель античного мира совершалась у него на глазах, и эта цивилизационная катастрофа определяла расстановку акцентов.

Однако впоследствии оказалось, что история не закончилась. Наоборот, христианство вышло за пределы Средиземноморья. Оно показало себя силой, способной преобразовывать мир, покоряя народ за народом, меняя их быт, мировоззрение и культуру. Христианский мир отказался от заблуждений язычества, поставил целью борьбу с грехом и поддержание добродетелей. Разве нельзя сказать, что социум, построенный на христианских ценностях, помогает человеку стать лучше? Если же проповедь способна перевернуть умы и изменить социальный уклад, то не значит ли это, что путём управляемых социальных преобразований можно построить более совершенное общество?

Можно увидеть, как с наступлением Нового времени идеи складываются друг с другом. Возвращается интерес к историософии. В 1681 году выходит книга католического епископа Боссюэ «Рассуждения о всеобщей истории», в которой история снова рассматривается как общий процесс, в котором существуют свои закономерности. Человечество взрослеет (Боссюэ использует понятие возраста: один возраст сменяет другой). Есть правильное устроение государства (такова французская монархия), а может быть и неправильное. Отсюда всего лишь один шаг к концепции социальной модификации (от неправильного к правильному).

Одновременно с Боссюэ жил ещё один яркий католический деятель — Фенелон, ближе к концу жизни тоже ставший епископом. С именем Фенелона связывают концепцию «духовного прогресса».

В данном случае под прогрессом понимается возрастание в христианских добродетелях, то, что мы сегодня называем духовным развитием. Выражение «духовный прогресс» для нашего уха звучит странно и неуклюже, мы привыкли встречать слово «прогресс» в совсем других контекстах, однако родом оно именно отсюда — из осмысления мира христианским сознанием. В католическом мире базовым языком была латынь, латинское progressus — это производное от progredi, что означает «идти вперед». Так, шаг за шагом человек движется навстречу Промыслу Божьему о нём самом и окружающем его мире.

Итак, человеческая история — это единый процесс, а правильно организованный процесс характеризуется поступательным движением с накоплением определённого качества. Следовательно, должен существовать социальный прогресс. В 1737 году выходит книга аббата Сен-Пьера «Замечания о непрерывном прогрессе всеобщего разума». Человек развивается, с каждым поколением он больше знает и больше умеет. Обретая возрастающую силу разума, человек получает всё более надёжные предпосылки для искоренения социальных пороков, установления всеобщего мира и общества, где все помогают всем.

Упомянутые фигуры (Боссюэ, Фенелон, Сен-Пьер) принадлежали к католической интеллектуальной элите. И поначалу концепция прогресса выглядела вполне по-христиански. Однако под натиском Просвещения религиозное сознание стремительно отступало, и тему прогресса подхватили люди с иным мировоззрением.

В 1749 году для получения богословского образования в Сорбонну поступает Анри Робер Тюрго — весьма талантливый молодой человек. Но, оказавшись в этом котле бурлящей мысли, опьянённой возможностями, открывающимся для познания, и благоговеющей перед набирающим силу могуществом человека, быть консерватором весьма затруднительно. И Тюрго отказывается от карьеры священника, его убеждения меняются; он становится деистом, то есть человеком, всё же признающим существование Божие и то, что Бог сотворил мир, однако исключающим Его дальнейшее вмешательство в человеческую историю. У деистов человек предоставлен сам себе, и это интересно: действия людей можно изучать примерно с тем же инструментарием, какой уместен для изучения поведения животных (в последствии это подтолкнёт к мысли, что человек и сам есть животное). Ещё интереснее, что будущее полностью зависит от действий людей. В среднем для людей естественно стремиться к благу, поэтому ход истории неизбежно должен приводить к постепенному улучшению жизни. Безусловно, могут быть срывы и локальные катастрофы, но в целом исторический прогресс позволяет накапливать благо, что в последствии назовут ростом цивилизованности.

В 1750 году Тюрго выступает в Сорбонне с речью, которую можно считать отправной точкой концепции социально-исторического прогресса в современном его понимании: «Мы видим, как зарождаются общества, как образуются нации, которые поочередно господствуют и подчиняются другим. Империи возникают и падают; законы, формы правления следуют друг за другом; искусства и науки изобретаются и совершенствуются. Попеременно

то задерживаемые, то ускоряемые в своем поступательном движении, они переходят из одной страны в другую. Интерес, честолюбие, тщеславие обусловливают беспрерывную смену событий на мировой сцене и обильно орошают землю человеческой кровью. Но в процессе вызванных ими опустошительных переворотов нравы смягчаются, человеческий разум просвещается, изолированные нации сближаются, торговля и политика соединяют, наконец, все части земного шара. И вся масса человеческого рода, переживая попеременно спокойствие и волнения, счастливые времена и годины бедствия, всегда шествует, хотя медленными шагами, ко все большему совершенству».

Однако начало научной разработки концепции прогресса обычно связывают с именем маркиза де Кондорсе (полное имя Мари Жан Антуан Николя де Карита, маркиз де Кондорсе). Для Кондорсе Тюрго всегда был авторитетом и учителем. Одна из двух лучших биографий, которые он написал (а Кондорсе по праву считался мастером этого жанра), посвящена Тюрго (героем второго биографического шедевра был Вольтер).

Конечно, Кондорсе развивает идеи учителя, но там, где у Тюрго — беглый очерк общей тенденции накопления знания и идей, у Кондорсе — периодизация из десяти эпох, девять из которых относятся к прошлому, а последняя, десятая принадлежит будущему. И это — не речь, не статья, а полноценная книга («Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»).

Несмотря на то, что свой труд он писал (и не дописал — за отсутствием под рукой нужных книг), скрываясь от политического преследования (Кондорсе был видной политической фигурой — членом Конвента, законодательного органа революционной Франции, готовил проект Конституции, который был отвергнут, поскольку оказался недостаточно популистским; бежал, но в конце концов был арестован, найден в камере мёртвым — предполагается, что прикончил с жизнью, приняв яд), в будущее Кондорсе смотрел с оптимизмом. Десятую эпоху он выделял условно, предполагая, что восходящий путь человечества бесконечен. Вот его кредо, вот какую цель он ставил перед собой: «показать, путем рассуждения и фактами, что не было намечено никакой границы в развитии человеческих способностей; что способность человека совершенствоваться действительно не определима, что дальнейшие его шаги на пути к самоусовершенствованию отныне не зависят от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, и путь этот окончится только с прекращением существования нашей планеты. Без сомнения, прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда человечество не пойдет вспять — по крайней мере, до тех пор, пока земля будет занимать то же самое, место в мировой системе и пока общие законы этой системы не вызовут на земном шаре ни общего потрясения, ни таких изменений, которые не позволили бы человеческому роду на нем сохраняться, применять свои способности и находить источники существования».

Чтобы идти по этому пути, человечество должно руководствоваться двумя принципами: опираться на науку, накапливая информацию, получаемую эмпирическим и рациональным путём, и постоянно бороться с предрассудками общественного сознания (философскими, политическими, религиозными), часто эксплуатирующими прогресс в собственных интересах и тем ограничивающими его.

Изложенная в таком виде идея прогресса оказалась весьма востребованной. Примечательна судьба книги Кондорсе. Написанная беглецом и представителем проигравшей политической силы, она, казалось бы, была обречена на забвение. Но в революционной Франции ситуация менялась очень быстро. И вот через год после гибели Кондорсе, в 1795 году секретарь Академии надписей изящной словесности Пьер Дону обращается в Конвент с предложением приобрести за счёт средств Комиссии народного образования три тысячи экземпляров труда Кондорсе. Обоснование было следующим: по мнению Дону, «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» — классический учебник, прекрасно подходящий для школ Французской Республики. Труд Кондорсе способен внушить молодому поколению самую пламенную веру в усовершенствование рода человеческого. Дону утверждал, что его будут читать даже в те отдаленные времена, когда забудут о существовании Робеспьера (для любого человека из той эпохи предположение, что человечество может забыть Робеспьера казалось немыслимым, а следовательно, книга Кондорсе возводилась в разряд вечно актуальных, чуть ли не священных книг).

Конвент внял этой просьбе и издал декрет о приобретении сочинения Кондорсе для раздачи его по одному экземпляру каждому из членов Конвента и для распространения во всех учебных заведениях Республики. Нарождалась вера в то, что человечество само собой способно обеспечить себе лучшее будущее, и всё, что работало на её создание и укрепление, немедленно получало общественную поддержку.

Человечество вступало в период, когда идея непрерывного восхождения казалась чуть ли не сама собой разумеющейся. Мир стремительно преображался. Рушилось старое и возникало новое. Это касалось и политического устройства, и экономических отношений.

Никогда прежде объём позитивного знания не пополнялся столь быстро, при этом знание перестало быть чем-то умозрительным, а немедленно перетекало в сферу практического применения. Начиналась эпоха научно-технической революции. Любой, у кого открыты глаза, мог увидеть накопление положительных изменений. Настроение самых широких масс строилось на ожидании, что завтрашний день превзойдёт сегодняшний. С каждым новым оборотом Земли человечество должно делать шаг от низшего к высшему (от несовершенного / простого / примитивного / плохого к совершенному / сложному / развитому /лучшему).

Это ощущение подъёма, пронизывающее всё общество, затрагивало и интеллектуалов, которые пытались придать ему теоретическое обоснование. Таковы корни гегелевской философии истории, марксизма, теории эволюции. Новые учения воспринимались на ура, обрастали адептами и сторонниками, которые несли их в массы и, таким образом, ещё больше укрепляли парадигму развития.

***

Сегодня же мы смотрим в будущее иначе. У нас нет уверенности, что оно принадлежит нам просто потому, что мы есть. Мы, конечно, надеемся на то, что завтрашний день будет лучше вчерашнего, но только потому, что надежда умирает последней. А разумом мы понимаем, что будущее может быть различным, вплоть до такого, в котором человечества вообще не будет. Уже возник образ «новых Тёмных веков» и потихоньку обрастает плотью.

Парадигма развития (как она описана выше) кажется неоправданно оптимистичной. Возникает желание внести кое-какие коррективы, например, учесть вероятность нежелательных событий и последствий. Просто полагаться на то, что в итоге всё будет хорошо, уже как-то не хочется; есть понимание, что так возрастает риск критичных ошибок.

Но другой парадигмы у нас пока нет. И потому многие действия людей, занимающих самые разные позиции в человеческом обществе, выглядят неадекватными: эти деятели по привычке исходят из того, что позитивные результаты будут накапливаться, а здравый смысл говорит, что, скорее всего, будет по-другому.

Либо мы сумеем перестроить привычки мышления, заплатив за это малой кровью, либо цивилизацию ждёт катастрофа. Урок встанет слишком дорого; возможно, он будет последним уроком нашего мира.